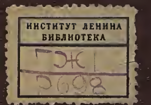
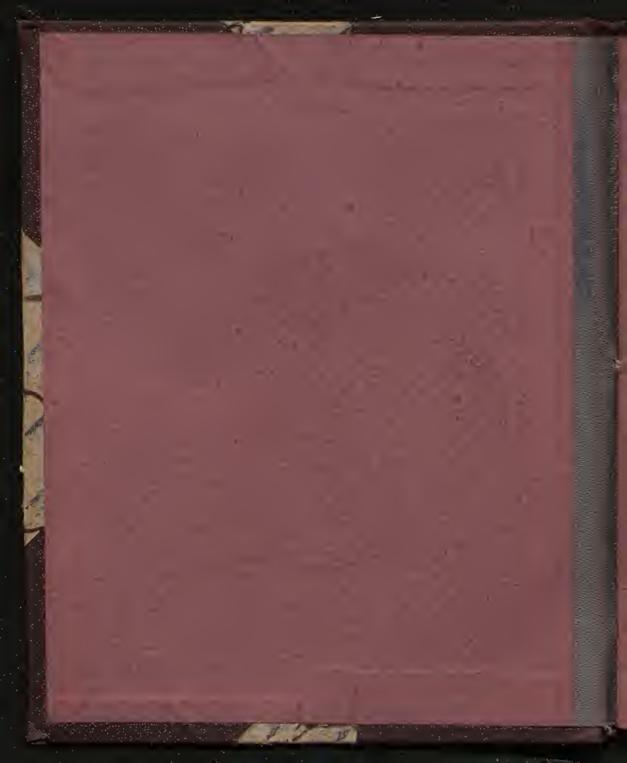
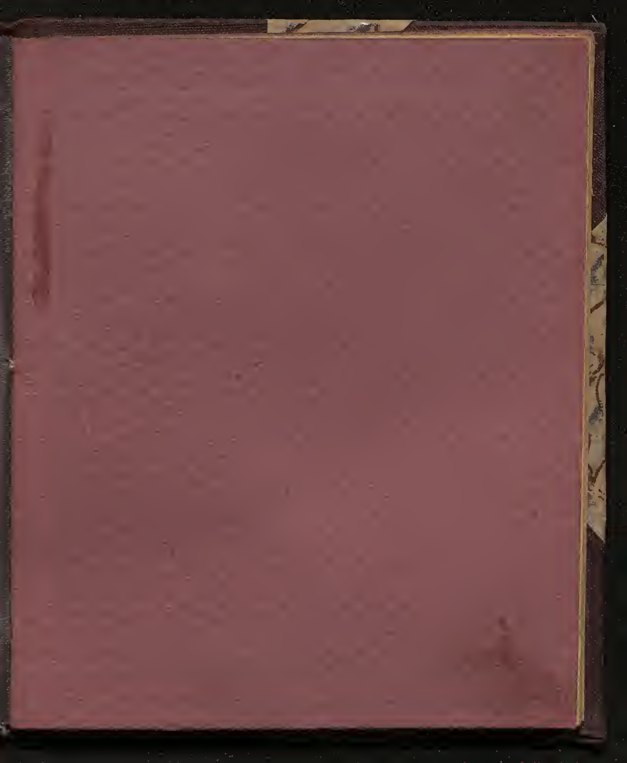
Родзянко

ЗА КУЛИСАМИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ
„ГУДОК“

М. В. РОДЗЯНКО

ЗА КУЛИСАМИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА „ГУДОК“ № 43
1926

„МОСПОЛИГРАФ“. 6-я [illegible]

М. В. РОДЗЯНКО

ЗА КУЛИСАМИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГУДОК»
МОСКВА—1926

Типография
Всер. Кооперативного
Издательского Союза
КНИГОСОЮЗ
= Москва, =
Б. Дмитровка, д. 26
Главлит № 70.834.
Тираж 26.000 экземп.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Судьба жестоко посмеялась над бывшим председателем Государственной Думы М. В. Родзянко.

Правый октябрист и монархист, крупный помещик, он не только дожил до гибели империи и собственного изгнания из пределов родины; махровые черносотенцы умудрились и там, в эмиграции, обвинить его в «революционности», в содействии «низложения царя». Его, «своего» человека, заклятого врага революции обвинили в том, будто «он заставил Николая II подписать отречение».

Во всем этом, конечно, было очень мало правды, но много затаенной старой ненависти голодных бюрократов, бездельничающих заграницей и ищущих на ком сорвать свою злобу за все бедствия, причиненные им революцией.

Родзянко остро реагировал на эти обвинения. Он решил оправдать себя в глазах людей своего

круга. Изданные в Берлине его записки являются этим самооправданием. Писал он их «отнюдь не имея в виду набросить тень на личность русского царя».

Но при всей сдержанности Родзянко, картина получилась исключительно красочная. Может быть даже помимо его воли. Ибо он много знал, многое видел в той закулисной жизни царского двора, которая была покрыта мраком таинственности.

Стоя близ центра власти, сам принимая в ней участие, Родзянко, по его собственным словам, был в курсе тех дел, которые для простых смертных были тайной. Теперь он эти тайны поведал миру. Сделал он это для того, чтоб показать всем, что не он, Родзянко, губил монархию, а она сама валилась в пропасть. Отчасти эта цель достигается. Но записки Родзянко дают гораздо большее.

Они охватывают не только Николая II, ничтожного, двуличного, творящего одни преступления, его двор, где господствует такое чудовище, как Григорий Распутин и, наконец, его правительство— сплошную вереницу авантюристов, бездарностей, интриганов, а то и просто преступников.

Мы здесь имеем яркую картину состояния тех общественных кругов помещиков и крупной бур-

жуазии, которые стояли за Родзянко, поддерживали Думу. Собственными руками Родзянко разрушает ту легенду, где дума фигурирует в качестве «зачинательницы» революции. Мы видим здесь, что Дума не только решительно не боролась с преступлениями царского правительства, но делала все, что было в ее силах, чтоб сдерживать негодование страны. Фактически это было прикрытие для господ Горемыкиных и Штюрмеров.

Сам Родзянко не только не выносил на суд народа все известные ему вопиющие деяния царских министров, но порой даже скрывал это от членов Думы. Вся «борьба» Думы заключалась в словесных выступлениях против того, или иного министра. И делалось это даже тогда, когда по приказу Протопопова на крышах Петроградских домов устанавливались пулеметы против нароставших народных волнений, в последние дни царской власти, когда революция уже властно стучалась в окна и двери страны.

Да, Родзянко прав. Он неповинен в гибели царской власти. Это сделали другие силы помимо Думы, наперекор Думе. Это сделало народное восстание. Вот почему, несмотря на кажущуюся оппозиционность, Государственная Дума погибла вместе с

царской властью, а сам Родзянко был вынужден спасаться бегством за границу.

Читая записки Родзянко, ясно представляешь себе картину великого разложения монархии накануне ее гибели. Весь механизм власти насквозь был пропитан гниением, а носители этой власти бурно жили только сегодняшним днем. Тщетно дальновидный монархист Родзянко взывал, грозил, проклинал. Над ним в лучшем случае только смеялись. Николай II иронизировал над «толстым Родзянко», а царица в своих письмах к царю отыскивала способ, как бы «посадить в тюрьму этого мерзавца Родзянко».

Над дворцами царей уже витала смерть, и не было той силы, которая смогла бы их спасти.

Н. Р.

ЗА КУЛИСАМИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ.

К тому времени, когда после Японской войны я, по избранию екатеринославского губернского земства, сделался членом Государственного Совета, относится и знакомство мое, более или менее близкое, с высшими правящими сферами, а следовательно сделались доступными многие интимные подробности быта этих сфер, недоступные и неизвестные широкой русской публике.

Распутин в период 1905—1909 г. держал себя сравнительно в тени, подготовляя себе твердую почву медленно и методично. Чувствуя все возрастающую свою силу, этот изувер мало-по-малу распоясывается. Похождения эротического характера делаются все наглее и отвратительнее, число его жертв все увеличивается и захватывается им все больший круг последователей и поклонниц.

В начале 1911 года Распутин очень быстро и неожиданно исчез с петербургского горизонта и долгое время на нем не появлялся. В скором времени по-

сле от'езда «старца» в родное село, следом за ним отправилась одна из приближенных к императрице Александре Феодоровне дам А. А. Вырубова и с нею он вернулся, но не в Петербург, а в Киев, куда прибыла царская семья на торжества введения земских учреждений в юго-западном крае. Определенно уже говорилось тогда, что Распутин успел убедить царскую чету в том, что пока он при ней в наличности, никакого несчастья ни с ней, ни в особенности с наследником цесаревичем случиться не может. Императрица Александра Феодоровна, души не чаявшая в своем сыне, дрожавшая за него постоянно, в силу своего мистического настроения вполне подчинилась этим внушениям ловкого гипнотизера. Ей казалось, что она обязана принимать все меры, не брезгать ничем, лишь бы оберечь и охранить своего обожаемого сына. Поэтому в ее мировоззрении естественно сложилось твердое убеждение, что Распутин должен находиться неотлучно при царской семье и в Киеве, где предстоял ряд торжеств и многочисленные появления царственной четы среди народа. Во всяком случае Распутин был привезен Вырубовой в Киев, а затем отправился вслед за императорской фамилией в Крым, в Ливадию, где жил в Ялте в гостинице «Эдинбург», но под именем Никонова.

Последовательные политические победы все более и более окрылили Распутина и он закусил удила.

Стало известно, что он соблазнил нянюшку царских детей, воспитанницу императорского воспита-

тельного дома. Мне известно, что в этом она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своим соблазнителем в баню, потом одумалась, поняла свой глубокий грех и во всем призналась молодой императрице, умоляя ее не верить Распутину, защитить детей от его ужасного влияния, называя его «дьяволом». Нянюшка эта, однако, вскоре была об'явлена ненормальной, нервно больной и ее отправили для излечения на Кавказ. Побывав у лечившегося там митрополита Антония, она чистосердечно призналась ему в своем грехе и обрисовала во всех подробностях преступную деятельность Распутина в царском дворце, умоляя владыку митрополита спасти из когтей этого «черта» наследника цесаревича.

Вернувшись в начале 1911 года в Петербург, митрополит Антоний, испросив всеподданнейший доклад, подробно доложил императору о всем, ему известном. Государь с неудовольствием возразил ему, что эти дела его, митрополита, не касаются, так как эти дела его семейные. Митрополит имел твердость ответить: «Нет, государь, это не семейное дело только, но дело всей России. Наследник цесаревич не только ваш сын, но наш будущий повелитель и принадлежит всей России». Когда же царь вновь остановил владыку, сказав, что он не позволит, чтобы кто-либо касался того, что происходит в его дворце, митрополит, волнуясь, ответил: «Слушаю, государь, но да позволено будет мне думать,

что русский царь должен жить в хрустальном дворце, доступном взорам его подданных».

Государь сухо отпустил митрополита, с которым вскоре после этого сделался нервный удар, от которого он уже не оправился.

Итак, безграмотный, безнравственный, развратный мужик, сектант, человек порочный, явился как бы в роли всесильного временщика, которого, к сожалению, часть общества поддерживала и окружила организованным кружком. Что хорошего могло сулить России такое мрачное явление? Как назвать психологию тех, кто являлись апологетами (проповедниками «идей») «старца», как не низкопробным карьеризмом, сервилизмом (прислужничеством) низкой марки, корыстью и преследованием узких личных выгод. Этим людям не было дела до величия и ореола верховной власти, основы которой явно ими колебались. Им не было никакого дела и до России.

26 февраля 1912 г. государь назначил мне явиться в шесть часов вечера. Утром в этот день я ездил с женой в Казанский собор и служил молебен. Доклад мой продолжался в кабинете государя около двух часов. Сперва я доложил текущие дела, коснулся положения артиллерийского ведомства под управлением в. к. Сергея Михайловича и сомнительной безопасности Кавказа под сомнительным управлением графа Воронцова-Дашкова, а потом перешел к главному.

— Ваше величество,—начал я,—доклад мой выйдет далеко за пределы обыкновенных моих докладов. Если последует на то ваше высочайшее разрешение, я имею в виду подробно и документально доложить вам о готовящейся разрухе, чреватой самыми гибельными последствиями...

Государь взглянул на меня с некоторым удивлением.

— Я имею в виду,—продолжал я,—старца Распутина и недопустимое его присутствие при дворе вашего величества. Всеподданнейше прошу вас, государь, угодно ли вам выслушать меня до конца или вы слушать меня не хотите, в таком случае я говорить не буду.

Опустив голову и не глядя на меня, государь тихо сказал:

— Говорите...

— Ваше величество, присутствие при дворе в интимной его обстановке человека, столь опороченного, развратного и грязного, представляет из себя небывалое явление в истории русского царствования. Влияние, которое он оказывает на церковные и государственные дела, внушает не малую тревогу решительно во всех слоях русского общества. В защиту этого проходимца выставляется весь государственный аппарат, начиная с министров и кончая низшими чинами охранной полиции. Распутин — оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под церковь и монархию. Никакая революционная пропа-

ганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина. Всех пугает близость его к царской семье. Это волнует умы.

— Но отчего же такие нападки на Распутина,— перебил государь,—отчего его считают вредным?

— Ваше величество, всем известно из газет и из рассказов о том, что благодаря Распутину в Синоде произошел раскол и что под его влиянием перемещаются иерархи.

— Какие? — спросил государь.

— История Гермогена глубоко оскорбила, как незаслуженное оскорбление иерарха. У Гермогена есть много приверженцев. Я получил прошение ходатайствовать за него перед вашим величеством, подписанное десятью тысячами подписей.

— Гермогена я считаю хорошим человеком,— сказал государь,—он будет скоро возвращен. Но я не могу не подвергнуть его наказанию, когда он открыто отказался подчиниться высочайшему повелению.

— Ваше величество, по каноническим правилам иерарха судит собрание иерархов. Преосвященный Гермоген был осужден по единоличному обвинению обер-прокурора, по его докладу,—это нарушение канонических правил.

Государь промолчал.

— История Илиодора тоже произвела тяжелое впечатление. После расследования, назначенного вашим величеством, суд над ним был год тому назад прекращен. Теперь он без всякого суда заклю-

чен во Флорищеву Пустынь и это после его открытого выступления против Распутина. Подобным же образом пострадали: Феофан, который был лишен звания духовника императрицы и перемещен в Симферополь, и Антоний тобольский, первый указавший Синоду на Распутина, как на хлыста, и потребовавший суда над ним. Его переместили в Тверь. Все, кто поднимает голос против Распутина, преследуются Синодом. Терпимо ли это, ваше величество? И могут ли православные люди молчать, видя развал православия? Можно понять всеобщее негодование, когда глаза всех раскрылись и все узнали, что Распутин хлыст *).

---

*) „Хлысты", повидимому, искаженное произношение „христы"; „христовщиной" секта называлась потому, что она управлялась так называемыми „христами". Хлысты никогда себя так не называли, считая себя „людьми божьими", в которых за их богоугодную жизнь обитает бог.

Отвергая брак, уча, что с прежней (до вступления в секту) женою следует жить, как с сестрою, хлысты имеют „духовных" жен, плотские связи с которыми не составляли греха, ибо здесь проявляется не плоть, а духовная „христова" любовь. Иметь связи с чужими женами, значило у хлыстов — „любовь иметь, что голубь с голубкой".

Собрания хлыстов назывались „радениями" и бывали большею частью ночью. На них мужчины надевали белые коленкоровые рубашки с широкими рукавами, простирающимися до пят. Женщины надевали белые сарафаны или юбки и голову повязывали платками. В состав богослужения входило кружение или беганье („радение"). Радения бывали в схватку (мужчина с женщиной), стенкой (мужчины против женщин), круговые и т. п. Происходили они под припев: „Хлыщу, хлыщу, Христа ищу",

— Какие у вас доказательства?

— Полиция проследила, что он ходил с женщинами в баню, а ведь это из особенностей их учения.

— Так что ж тут такого? У простолюдинов это принято.

— Нет, ваше величество, это не принято. Может быть ходят муж с женой, но то, что мы имеем здесь—это разврат. Позвольте прочесть вам, во-первых, письма его жертв, которые сперва попали в ловушку, а затем раскаялись в своем грехе. Вот письмо одного сибирского священника, адресованное некоторым членам Думы (я не хотел сказать, что Гучкову), в котором он умоляет довести до сведения начальства о поведении Распутина, о развратной его жизни и о том, какие слухи он распространяет о своем значении в Петербурге и при дворе. (Это письмо я прочел целиком).

Вот письмо, в котором одна барыня кается, что Распутин ее совратил, нравственно изуродовал; отшатнулась от него, покаялась и после этого она вдруг видит, что Распутин выходит из бани с двумя ее дочерьми. Жена инженера Л. тоже увлеклась этим учением. Она сошла с ума и теперь еще в сумасшедшем доме. Поверьте, ваше величество...

— Я вам верю.

причем каждый радельщик ударял стоящего перед ним ладонью. Во время кружения хлысты обнажались, приводя себя тем самым в половое неистовство и все оканчивалось общими развратными действиями. (Прим. ред.).

Я прочел ему письма, выдержки из брошюры Новоселова, я указал ему на впечатление, которое произвело запрещение писать о Распутине. Он не подходит под категорию лиц, о которых нельзя писать, он не высокопоставленное лицо, не принадлежит к царской фамилии. Мы видим, что часто критикуют министров, председателей Думы и Совета,— для этого запрещения нет,— а о Распутине запрещено писать, чтобы то ни было. Это невольно вызывает мысль, что он близок к царской семье.

— Но отчего вы думаете, что он хлыст?

— Ваше величество, прочтите брошюру Новоселова: он специально занялся этим вопросом. Там есть указание на то, что Распутина судили за хлыстовство, но дело почему-то было прекращено. Кроме того, известно, что радения приверженцев Распутина происходили на квартире Сазонова, где Распутин жил. Позвольте вам показать вырезку из заграничной газеты, где сказано, что на с'езде масонов в Брюсселе говорили о Распутине, как об удобном орудии в их руках. Интрига эта в связи с последующими обстоятельствами совершенно ясна. Дело идет не только о троне и престиже царской семьи.

Государь, видимо, все время волновался. Он брал одну за другой папиросы и опять бросал.

Тогда я решил подойти с другой стороны и убедить государя, что Распутин обманщик. Я показал ему фотографию Распутина с наперсным крестом.

— Вы видите, ваше величество. Распутин не иерарх; он здесь изображен как бы священником.

Государь на это сказал:

— Да, уж это слишком. Он не имеет права надевать наперсного креста.

— Ваше величество, это кощунство! Он, невежественный мужик, не может надевать клобук и, кроме того, это дается при священстве! Вот другая фотография—«хлыстовский корабль», эта фотография была в «Огоньке», ее видела вся Россия. Вот Распутин, окруженный молодыми девушками, а вот и мальчики, он среди них. Вот Распутин с двумя молодыми людьми: они держат доску и на ней текст хлыстовский, а у Распутина в руках икона божьей матери хлыстовская. Корабль, ведущий к повальному греху!

— Что это такое?—спросил государь.

— Прочитайте брошюру Новоселова, которую я вам представлю. Вот его фотография, где Распутин с двумя женщинами и подписано: «Путь, ведущий к спасению». Ведь это соблазн. А запрещение писать о нем невольно возбуждает мысль, что царь покровитель хлыстов. А если вспыхнет война? Где же престиж царской власти? Многие лица, близко стоящие ко двору, называются как приверженцы Распутина. Слухи о том, что высшее общество подпало влиянию Распутина, как хлыста, дает повод пренебрежительно относиться к этому обществу—это унижает общество, унижает Двор. Несмотря на запрещение писать о нем, слухи и толки о Распу-

тине с жадностью перепечатываются в провинциальных газетах.

— Читали ли вы доклад Столыпина?—спросил меня государь.

— Нет, я знал о нем, но не читал.

— Я ему отказал,—сказал государь.

— Жаль,—ответил я,—всего этого не было бы. Ваше величество, вы меня видите крайне взволнованным, мне тяжело было говорить вам жестокую истину. Я молчать не мог, не мог скрывать опасности положения и возможности страшных последствий.

— Его теперь здесь нет,—произнес государь.

— Позвольте мне всем говорить, что он не вернется.

Государь помолчал немного и сказал:

— Нет, я не могу вам этого обещать,—вашим же словам верю вполне.

28 февраля утром мне из Царского Села позвонил по телефону дворцовый комендант генерал адъютант В. Н. Дедюлин и просил заехать к нему на городскую его квартиру. С Дедюлиным мы были старые школьные товарищи и друзья, почему разговор наш носил интимный характер.

Дедюлин сообщил мне следующее: «Стало известно, что после твоего доклада государь почти не прикасался к еде за обедом, был задумчив и сосредоточен. На докладе моем на другой день я позволил себе спросить его: «Ваше величество, у вас с докладом был Родзянко. Кажется он очень утомил

вас?» Государь ответил: «Нет, нисколько не утомил. Видно, что Родзянко верноподданный человек, не боящийся говорить правду. Он сообщил мне многое, чего я не знал. Вы с ним товарищи по корпусу, передайте ему, чтобы он произвел расследование по делу Распутина. Пусть он из Синода возьмет все секретные дела по этому вопросу, хорошенько все разберет и мне доложит. Но пусть об этом пока никто не будет знать».

Изучив всесторонне и обстоятельно все порученное мне дело, я составил сжатый доклад и 8 марта 1912 года послал государю свою просьбу о приеме меня для доклада ему во исполнение возложенного на меня высочайшего поручения.

На мое ходатайство о всеподданейшем докладе долго не было ответа. Мне стало известно, что императрица упорно сопротивляется моему вторичному докладу с документами в руках. Наконец, за несколько дней до от'езда царской семьи в Крым, председатель совета министров В. Н. Коковцев получил мое ходатайство о приеме, на котором государь начертал: «Прошу В. Н. передать председателю Думы, что я его принять не могу и не вижу в этом надобности, так как полторы недели тому назад я его принимал. Кроме того, прения по смете Синода приняли неправильное направление, которое мне не нравится. Прошу вас и председателя Думы принять меры к тому, чтобы этого не повторялось».

Мы оба обомлели, читая эти строки, которыми был нанесен афронт Думе и оскорбление ее председа-

телю, так как по основным законам последний сносится непосредственно с верховной властью. Здесь же передавалось поручение через премьера, который на это прав не имел. Я об'явил Коковцеву, что достоинство Думы оскорблено и мне придется выйти в отставку и снять с себя придворное звание. Получился бы конфликт между Думой и царем, т.-е. как бы революционное направление Думы, что еще более осложнило бы и без того тяжелое положение.

Тогда мы решили следующее: Коковцев должен ехать на следующий день в Царское, об'яснить государю неловкость его ответа и добиться или приема, или личного письма по адресу председателя Думы. Так и было сделано. Коковцев хорошо исполнил поручение, передал мои слова и желание выйти в отставку и снять придворное звание. На что государь сказал:

— Я обижать его не хотел, напротив, я им очень доволен. Дума стала другая при нем: ассигновали на флот и артиллерийское ведомство... Что же делать?

Коковцев посоветовал написать собственноручное письмо и на другой день я получил его со следующим содержанием: «Не имея времени перед от'ездом в Крым принять вас, прошу доставить письменный доклад».

Письмо я сохранил у себя.

От Думы я скрыл этот инцидент и сообщил только о собственноручном письме с просьбой прислать письменный доклад.

И то многие выражали негодование, что государь принимал Балашева, студентов-академиков, многих представлявшихся лиц, а для председателя Думы времени не нашлось.

Я тотчас же принялся за составление письменного доклада, в чем мне особенно помогал В. И. Карпов и начальник канцелярии Думы Я. В. Глинка.

Последние дни перед войной застали меня в Наугейме, где я лечился. Вернувшись из-за границы, я узнал, что накануне несколько раз звонил по телефону военный министр Сухомлинов и, осведомившись, что меня ожидают в Петербурге с часа на час, просил немедленно ему позвонить, когда я приеду. Я вызвал к телефону военного министра. Генерал Сухомлинов заявил, что ему необходимо видеть меня немедленно, не взирая ни на какие обстоятельства, сам же он приехать не может, в виду массы дела. Я тотчас же отправился и вот какой произошел разговор:

— Я вызвал вас к себе, — сказал Сухомлинов,— потому что нахожусь в безвыходном положении. Представьте себе, ужас какой. Государь император внезапно заколебался и приказал приостановить мобилизацию военных округов, назначенных для действий против австрийцев. Чем об'яснить такое решение, — я положительно не знаю. В случае настойчивого его повеления положение может стать катастрофическим. Все карточки и мобилизационные распоряжения уже разосланы на места. Вернуть их не

представляется возможным и всякая задержка в деле будет гибельна. Что делать? Посоветуйте...

— Я должен вам доложить,—ответил я министру, — что об'явление нам войны Германией совершенно неизбежно, и, если произойдет малейшее замедление, то германцы перейдут границы без сопротивления. Проезжая через Вержболово, я уже видел по всей границе кордон германской кавалерии, одетый в защитный цвет и вполне готовый к военным действиям. Все это вы безотлагательно должны довести до сведения государя.

— А я, наоборот, требую, чтобы вы, Михаил Владимирович, немедленно испросил аудиенцию в Петергофе и лично доложили об этих обстоятельствах его величеству.

— Я с радостью готов это исполнить, но время не терпит, минуты терять нельзя, между тем процедура испрошения доклада длительна. Надо ехать вам и немедленно.

— Но я уже несколько раз и по телефону, и лично об этом говорил. Ясно, что он мне не доверяет. Я положительно теряюсь, что делать.

Я посоветовал немедленно ехать к министру иностранных дел Сазонову. Мы застали его собирающимся в Петергоф. Повидимому, он ничего не знал о новых настроениях царя. Мы ознакомили Сазонова с обстоятельствами дела. При этом я просил официально Сазонова передать императору, что я, как глава народного представительства, категорически заявляю, что народ русский никогда не про-

стит проволочку времени, которая вовлечет страну в роковые осложнения. Повидимому, доклад министра иностранных дел, подкрепленный вескими документами военного министра и председателя Думы, произвел надлежащее действие и государь император отказался от своих настроений, преодолел их и мобилизация не была остановлена и продолжала протекать в нормальном порядке.

После первых боев начали приходить известия с фронта о возмутительной постановке санитарного дела по доставке раненых с фронта. Неразбериха была полная. В Москву приходили товарные поезда, где лежали раненые без соломы, часто без одежды, плохо перевязанные, не кормленные несколько дней. В то же время из отрядов Елизаветинской общины моя жена, попечительница ее, получала известия, что такие поезда проходят мимо их отряда и даже стоят на станциях, а сестер в вагоны не пускают и стоят они без дела не развернувшись. Между военным ведомством и ведомством Красного Креста было соревнование. Каждое ведомство действовало самостоятельно и не было согласованности.

Всего хуже была подача первой помощи у военного ведомства: не было ни повозок, ни лошадей, ни перевязочных средств, а между тем другие организации вперед не пускались.

Вскоре после моего приезда в Варшаву в ноябре 1914 года приехал ко мне уполномоченный земского союза Вырубов и предложил посетить Варшаво-

Венский вокзал, где находилось около восемнадцати тысяч раненых в боях под Лодзью и Березинами. На вокзале мы застали потрясающую картину: на перронах в грязи, слякоти и холоде под дождем лежало на полу, даже без соломы, невероятное количество раненых, которые оглашали воздух раздирающими душу стонами и жалобно просили: «Ради бога, прикажите перевязать нас, мы пятый день не перевязаны». Надобно при этом сказать, что после кровопролитных боев эти раненые были привезены в полном беспорядке в товарных вагонах и брошены на Варшаво-Венском вокзале без помощи. Единственные медицинские силы, которые обслуживали этих несчастных, были варшавские врачи, подкрепленные добровольными сестрами милосердия. Это был отряд польского общества в составе около пятнадцати человек. Нельзя не отозваться с восторгом о самоотверженной деятельности этих истинных друзей человека. Я не помню их фамилий, но я от души желал бы, чтобы моя сердечная благодарность русского человека достигла до них, как доказательство сердечного к ним уважения и восхищения. В момент моего приезда на вокзал, эти почтенные люди работали третьи сутки подряд без перерыва и отдыха. Глубоко возмущенный таким положением раненых воинов, я немедленно вызвал по телефону начальника санитарной части Данилова и уполномоченного по Красному Кресту ген. Волкова. Когда эти лица явились, то мы с ними и Вырубовым стали обсуждать, как выйти из такого трагиче-

ского и ужасающего положения. Генерал Данилов, как и генерал Волков, заявили категорически, что у них никаких медицинских сил нет, а между тем при посещении мною одного лазарета Кр. Креста я видел совершенно свободных от дела шесть врачей и около тридцати сестер милосердия. На мое указание, что они должны быть немедленно обращены в дело, генерал Данилов категорически заявил, что он этого сделать не может, так как этот персонал предназначен для обслуживания формирующихся санитарных поездов. И это говорилось, когда на перроне лежало около восемнадцати тысяч страдальцев. Я потребовал от генерала Данилова, чтобы он немедленно озаботился формированием поездов-теплушек для эвакуации раненых с вокзала. Данилов заявил, что он сделать этого не может, так как по распоряжению верховного начальника санитарной части раненые должны следовать внутрь страны не иначе, как в санитарных поездах, которых у него имеется около восьми.

Из Варшавы я испросил у в. к. Николая Николаевича разрешения приехать в Ставку.

Великий князь жаловался на пагубное влияние императрицы Александры Феодоровны. Он откровенно говорил, что она всему очень мешает. В Ставке государь бывает со всем согласен, а приехав к ней, меняет свое решение. Он сознавал, что императрица его ненавидит и определенно желает его удаления. Он говорил о Сухомлинове, которому он не доверяет и который старается влиять на решение госу-

даря. Великий князь сказал, что его вынуждает к временной остановке военных действий отсутствие снарядов, а также недостача сапог для армии.

— Вот вы имеете влияние, — заметил великий князь, — вам доверяют. Устройте мне, как можно скорее, поставку сапог для армии.

Я ответил, что это можно ускорить, если привлечь к работе земства и общественные организации. В особенности в данном вопросе могут помочь губернские земства. Материала в России много, рабочих рук также, но в одной губернии кожа, а в другой дратва, подметки, гвозди, а еще в какой-нибудь— дешевые рабочие руки, кустари-сапожники. Лучше всего было бы созвать с'езд председателей губернских земских управ и с их помощью наладить дело. Великий князь отнесся к этому очень сочувственно.

Вернувшись в Петроград, я был в организационном комитете Думы и расспрашивал членов Думы, как по их мнению лучше наладить доставку сапог. Обсудив, решили циркулярно запросить председателей управ и городских голов. Это было скоро сделано и сразу посыпались благоприятные ответы. Так как возможно было ожидать противодействия со стороны правительства к созыву такого с'езда, то я решил об'ехать и поговорить с некоторыми министрами в отдельности. Кривошеин, Сухомлинов и Горемыкин отнеслись к идее с'езда сочувственно и обещали поддержать мое предложение в совете министров. Свидание же с министром Маклаковым вышло весьма оригинальным. На мое заявление, что

главнокомандующий поручил спешно заняться поставкой сапог для армии при посредстве земств и созвать для этого в Петрограде председателей городских и земских управ, Маклаков сказал:

— Да, да, то, что вы говорите, вполне совпадает с имеющимися агентурными сведениями.

— С какими сведениями?

— По моим агентурным сведениям под видом с'езда для нужд армий будут обсуждать политическое положение в стране и требовать конституцию...

Это заявление министра было до того неожиданно и нелепо, что я даже привскочил в кресле и резко ему ответил:

— Вы с ума сошли... Какое право вы имеете так оскорблять меня. Чтобы я, председатель Государственной Думы, прикрываясь в такое время нуждами войны, стал созывать с'езд для поддержания каких-то революционных проявлений. Кроме того, вы вообще ошибаетесь, потому что конституция у нас уже есть...

Маклаков, видимо, опешил и стал сглаживать:

— Вы, Михаил Владимирович, пожалуйста, не принимайте это за личную обиду, во всяком случае без совета министров я не могу дать разрешения на такой с'езд и внесу этот вопрос на ближайшее заседание.

Я сообщил Маклакову, что некоторые из министров обещали поддержать мое ходатайство и ушел от него возмущенный и расстроенный.

Через несколько дней я получил письмо от Маклакова, в котором председатель Думы извещался, что его предложение о созыве с'езда советом министров отклонено.

Вскоре после этого у меня был Горемыкин для обсуждения вопросов о созыве Думы. Я напомнил ему в разговоре о его обещании поддержать предложение о земском с'езде.

— Какой с'езд? — удивился Горемыкин, — ничего такого мы вовсе не обсуждали в совете...

Я показал Горемыкину письмо Маклакова. Он прочел с большим изумлением и опять повторил, что вопрос в совете министров вовсе не обсуждался, а про Маклакова он заметил: «Он солгал, как всегда».

В конце мая я отправил просьбу о принятии меня государем. В течение четырех или пяти дней я не получал ответа. Вместо того, мне стали передавать, что министр Маклаков усиленно настраивает царя против Думы и уверяет его, что председатель Думы явится к нему с необыкновенными требованиями. чуть ли не с ультиматумом. Слухи эти нашли себе отражение и в Москве, и приехавший оттуда молодой Юсупов рассказывал, что там говорят, будто председатель Думы стал во главе революционного движения и вопреки желанию правительства создал особый комитет по образцу французской революции (так, очевидно, понимали учреждение Особого Совещания).

Наконец, государь назначил день приема: это было 30 мая. Когда я вошел в кабинет, я застал государя взволнованным и бледным и невольно вспомнил то, что мне передавали про интриги Маклакова. Надо было сразу рассеять подозрения.

— Ваше величество, — начал я, — я пришел к вам не с какими-нибудь требованиями и не с ультиматумом...

— Почему вы говорите про ультиматум?.. Какой ультиматум?

— Ваше величество, я имею сведения, что вам изобразили меня очень опасным человеком: говорили, что я приду не с докладом, а с требованиями. Вам даже советовали меня не принимать вовсе.

— Кто это вам говорил, и на кого вы намекаете, что меня настраивают против вас?

— Ваше величество, быть может это сплетня, но слухи настолько основательны и из таких внушающих мне доверие источников, что я решился это вам доложить. Вам говорил так про меня министр внутренних дел Маклаков. Государь, у меня нет к вам делового доклада по Думе: я явился к вам говорить об общих делах, пришел исповедываться, как сын к отцу, чтобы передать всю правду, какую я знаю. Прикажите ли мне говорить?

— Говорите.

Государь повернулся и во время доклада пристально смотрел мне в глаза, повидимому испытывая меня. Я также не спускал с него глаз. Я докладывал обо всем, что наболело и накипело за это время: о порядках артиллерийского

ведомства, о ничтожном производстве военных заводов, о том, что во главе большинства заводов стоят немцы, о беспорядках в Москве, о положении армии, которая самоотверженно умирает на фронте и которую предают в тылу люди, ведающие боевым снабжением, о гадостях и интригах министра Маклакова и о многом другом. В связи с делом Мясоедова я передал о возбуждении против Сухомлинова, которого ненавидят на фронте и в тылу и считают сообщником Мясоедова. Я старался выяснить и доказать, что Сухомлинов, Маклаков, Саблер и Щегловитов совершенно нетерпимы, что в. к. Сергей Михайлович должен непременно уйти, иначе раздражение против артиллерийского ведомства обрушится на голову одного из членов царской семьи, а косвенно и на всю царскую семью,—словом, говорил все, о чем знал и о чем нужно было знать государю.

Доклад продолжался более часу и государь за это время не выкурил ни одной папироски, что являлось признаком его внимательности. Под конец доклада он оперся локтями о стол и сидел, закрыв лицо руками. Я окончил, а он все сидел в той же позе.

— Отчего вы встали?..

— Ваше величество, я окончил, я все сказал.

Государь тоже встал, взял мою руку в свои обе руки и, смотря мне прямо в глаза своими влажными добрыми глазами, стал крепко жать руку и сказал:

— Благодарю вас за ваш прямой, искренний и смелый доклад.

Я низко поклонился, чувствуя, что к горлу подступают слезы. Государь, повидимому, был тоже взволнован и, произнеся свои последние слова, еще раз пожал руку и быстро вышел в другую дверь, плохо скрывая свое волнение.

Причины волнения государя во время этого доклада я узнал гораздо позже, в дни революции, когда был вызван для дачи показания в верховную комиссию, которая хотела, во что бы то ни стало, найти криминал в действиях бывшего царя. Я говорил в течение пяти часов подряд, доказывая, что криминала в действиях царя не было, а была только неправильная и путаная политика, пагубная для страны, но отнюдь не преднамеренное желание вреда этой стране.

Когда я кончил, ко мне подошел сенатор Таганцев и сказал:

— Теперь вы кончили, так вот прочтите эту бумагу.

Бумага была помечена маем 1915 г., числа не помню и соответствовала времени, когда я был вызван в Ставку после львовских торжеств.

Министр Маклаков доносил:

«Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству. Неоднократно я имел счастье указывать вашему величеству, что Г. Дума и ее председатель, где только возможно, стремятся превысить свою власть и значение в государстве и, ища популярности, стремятся умалить власть вашего императорского величества. Имею честь обратить ваше

внимание на поведение председателя Государственной Думы после вашего от'езда из города Львова. Председатель Думы принял торжественное чествование галичан и, воспользовавшись от'ездом государя императора, держал себя, как бы глава российского государства.

Обращая на вышеизложенное внимание вашего величества, прошу вспомнить, что я неоднократно указывал вашему величеству на необходимость уменьшения прав Государственной Думы и на сведение ее на степень законосовещательного учреждения».

(Привожу по памяти не текстуально).

Прочитав бумагу, я протянул ее Таганцеву со словами:

— Что же тут удивительного? Обычный пасквиль министра внутренних дел.

— Прочитайте, что написано на обратной стороне,—сказал Таганцев.

На другой стороне рукой императора было написано:

«*Действительно, время настало сократить Госуд. Думу. Интересно, как будут при этом себя чувствовать г.г. Родзянки и К°*».

По числам эта пометка совпадала с тем временем, когда государь шел навстречу работе Думы и общественных организаций и обсуждал вместе со мною проект создания Особого Совещания по обороне.

Ко всем волновавшим народ событиям в то время присоединились еще упорные слухи, что Герма-

ния предлагает нам сепаратный мир, и что с ней негласно начали вести переговоры. Это тем более могло показаться правдоподобным, что еще в начале сентября я получил из Австрии от М. А. Васильчиковой очень странное письмо, в котором она старалась убедить меня способствовать миру между воюющими странами. Письмо было достаточно неправильно написано по русски и производило впечатление, что оно переведено с немецкого. На конверте не было ни марки, ни почтового штемпеля. Принес его какой-то неизвестный господин. Оказалось, что такие же письма были отправлены государю, Марии Павловне, в. к. Елизавете Феодоровне, А. Д. Самарину, кн. А. М. Голицыну и министру Сазонову—всего в семи экземплярах. Я тотчас же переслал письмо Сазонову, министр сообщил, что и он получил такое же письмо и государь также, и советовал письмо бросить в корзину, заметив, что он тот же совет дал и государю.

Я не мог спросить Сазонова, как он терпит, чтобы Васильчикова сохраняла придворное звание (она была фрейлиной государынь императриц).

Ко всеобщему изумлению М. А. Васильчикова в декабре появилась в Петрограде. Ее встречал специальный посланный в Торнео, на границе и в «Астории» *) для нее были приготовлены комнаты. Это рассказывал Сазонов, прибавивший, что по его мнению распоряжение было сделано из Царского

*) Самая шикарная гостиница в тогдашнем Петрограде.

Села. Все знакомые Васильчиковой отворачивались от нее, не желали ее принимать, зато в Царское она ездила, была принята, что тщательно скрывалось. Когда вопрос о сепаратном мире в связи с ходившими слухами был поднят в бюджетной комиссии, министр внутренних дел Хвостов заявил, что действительно, кем то эти слухи распространяются, что подобный вопрос не поднимался в правительственных кругах, и что если бы это случилось—он ни на минуту не остался бы у власти. После этого я счел нужным огласить в заседании письмо Васильчиковой и сообщил, что она находится в Петрограде. Хвостов, сильно смущенный, должен был сознаться, что она действительно жила в Петрограде, но уже выслана. После заседания частным образом Хвостов рассказал, что на следующий день после своего появления Васильчикова ездила в Царское Село (к кому, он не упомянул) и что он лично делал у нее в «Астории» обыск и в числе отобранных бумаг нашел письмо к ней Франца-Иосифа и сведения, говорившие, что она была в Потсдаме у Вильгельма, получила наставления от Бетмана-Гольвега как действовать в Петрограде, а перед тем гостила целый месяц у принца Гессенского и привезла от него письма обеим сестрам—императрице и в. к. Елизавете Феодоровне. Великая княгиня вернула письмо не распечатывая. Это передавала гофмейстерина ее двора графиня Олсуфьева.

Государь, как рассказывали, был очень недоволен появлением Васильчиковой и велел выслать ее

в Сольвычегодск. Однако, Васильчикова преспокойно проживала в имении своей сестры Милорадович. в Черниговской губернии.

Министр Сазонов был отставлен без прошения и на его место назначен Штюрмер с оставлением премьером. Хвостов, министр юстиции, назначен министром внутренних дел, а Макаров на место Хвостова. Причины отставки Сазонова никто не мог об'яснить. Один из служащих министерства иностранных дел мне говорил, что причина эта заключалась в докладе Сазонова о Польше. Сазонов настаивал на разрешении польского вопроса и на удалении Штюрмера, главного противника автономии Польши. Но я думаю, что причины эти лежали глубже. Про министра юстиции Хвостова говорили, что он пострадал из-за Сухомлинова, так как отказался приостановить следствие по его делу. Императрица призывала его к себе и в продолжение двух часов говорила об освобождении Сухомлинова. Сперва она доказывала его невиновность, потом в повышенном тоне стала требовать, чтобы Сухомлинов был выпущен из крепости, все время повторяя: «Я хочу, я требую, чтобы он был освобожден».

Хвостов отвечал, что он не может этого сделать и на вопрос Александры Феодоровны: «Почему, потому что я вам приказываю?» Он ответил: «Моя совесть, ваше величество, не позволяет мне повиноваться вам и освободить изменника».

После этого разговора Хвостов понял, что дни его сочтены и его перемещение на должность министра внутренних дел было только временным для соблюдения приличия. Назначая Макарова, императрица надеялась, что он будет более податлив. но, к счастью, этого не оказалось.

При Штюрмере играл совершенно особую роль некий Манасевич-Мануйлов, бывший сотрудник Рачковского, мелкий журналист, имевший связи с распутинским кружком и в значительной степени способствовавший назначению Штюрмера. Он был при Штюрмере в роли как бы личного секретаря. Пользуясь своим положением, он шантажировал банки, и они откупались от него взятками. Директор Соединенного банка граф Татищев вместе с министром А. А. Хвостовым решили уловить этого Мануйлова. Взятка была дана, но на пятисотенных билетах были сделаны пометки рукой Ивана Хвостова, племянника министра. Произошло это во время отсутствия Штюрмера, находившегося в Ставке. У Мануйлова сделали обыск, нашли пятисотенные билеты, которые лежали в том же порядке и только часть их успела уже исчезнуть. Мануйлова арестовали.

Когда Штюрмер узнал об аресте Мануйлова, он этому не поверил. Затем, убедившись, он вторично выехал в Ставку, неизвестно, что там наговорил, и вернулся с отставкой Хвостова в кармане. Он вызвал к телефону Хвостова и заявил ему: «Вы мне сообщили неприятное для меня известие об аресте Мана-

севича-Мануйлова, теперь я вам сообщаю новость: вы больше не министр внутренних дел».

На место Хвостова (старшего) министром внутренних дел был назначен товарищ председателя Думы Протопопов.

После возвращения Протопопова из-за границы и разговора в Стокгольме с германским представителем, имя его часто стало мелькать в газетах. Появилось известие, что Протопопов совместно с банками собирается издавать газету «Воля России»; Терещенко, Литвинов-Фалинский и многие другие предупреждали меня, что Протопопов окружен подозрительными личностями, что имя его связывают с именем Распутина, и что распутинский кружок проводит его в министры внутренних дел. Назначение Протопопова могло казаться популярным, так как он имел успех во время поездки парламентской делегации и даже состоял в прогрессивном блоке. Назначение Протопопова было встречено с недоумением, но в первой же беседе с журналистами он открыл свои карты, заявив, что вступает в правительство Штюрмера и отдельной программы не имеет. В последнее время Протопопов избегал со мной встреч и не показывался в Думу. Наконец я к нему дозвонился и сказал, чтобы он непременно приезжал завтракать. Я поставил ему вопрос ребром:

— Скажите, Александр Дмитриевич, прямо: верны ли слухи о вашем назначении? Вы меня ставите в неловкое положение,—я должен знать, какой пост собирается принять мой товарищ.

— Да, действительно, мне предложили пост министра внутренних дел,—сказал Протопопов,—и я согласился.

— Кто вам предложил?

— Штюрмер, по желанию государя императора.

— Как... И вы пойдете в кабинет Штюрмера?

— Ведь вы же сами меня рекомендовали.

— Да, я рекомендовал вас на пост министра торговли в кабинет Григоровича, а не на пост министра внутренних дел к Штюрмеру.

— Я чувствую,—сказал Протопопов,—что вы на меня сердитесь.

— И очень даже: вы поступили предательски по отношению к Думе. Вы идете служить с тем правительством, которое только что Дума осудила, как бездарное и вредное для России, и это после того, как вы подписали резолюцию блока. При этом вы громко исповедуете, что у вас нет другой программы, кроме программы премьер-министра Штюрмера. Я вас предупреждаю—Дума потребует от вас об'яснения.

— Я надеюсь,—отвечал Протопопов,—что мне удастся, что-нибудь изменить в положении вещей. Я уверяю вас, что государь готов на все хорошее, но ему мешают.

— Хорошо, пусть так, но при Штюрмере и Распутине разве вы в силах, что-нибудь изменить? Вы только скомпрометируете себя и Думу. У вас не хватит сил бороться и вы не отважетесь прямо говорить государю.

После назначения Протопопова прошел слух, что председатель Думы будет назначен министром иностранных дел и премьером. Слух подтвердился. Неожиданно приезжает Протопопов и обращается с такими словами:

— Знаете, Михаил Владимирович, в Ставке хотят назначить вас министром иностранных дел.

— Как я могу быть министром иностранных дел?—усмехнулся я.

— У вас будут помощники, которые знают технику этого дела.

— И что же—я должен соединить с этим и руководительство всей политикой: быть премьером?

— Да, конечно, и это также.

Приходилось кончать комедию.

— Послушайте,—сказал я,—вы исполняете чье-то поручение: вас послали узнать мое мнение на этот счет. В таком случае передайте государю следующее: мои условия таковы. Мне одному принадлежит власть выбирать министров, я должен быть назначен не менее, как на три года. Императрица должна удалиться от всякого вмешательства в государственные дела и до окончания войны жить безвыездно в Ливадии. Все великие князья должны быть отстранены от активной деятельности и ни один из них не должен находиться на фронте. Государю надо примириться со всеми, несправедливо обиженными им министрами. Поливанов должен быть помощником государя в Ставке, Лукомский—военным министром. Каждую неделю в Ставке должны происходить

совещания по военным делам и я должен на них присутствовать с правом голоса по вопросам нестратегического характера.

Протопопов был в ужасе от моих слов и не представлял себе, как он может их передать. Я ему помог.

— Если государь меня призовет, я сам все это ему скажу.

— Да, я знаю, вы скажете,—повторял Протопопов, почесывая затылок.

Я просил его записать мои условия и он записал их в карманной книжке.

— И еще прибавьте: я приму этот пост с тем, чтобы все эти условия были обнародованы в Думе.

Через несколько дней Протопопов обедал у меня и за обедом заговорил про императрицу, страшно ее расхваливая.

— Она необыкновенно сильная, властная и умная женщина. Вы, Михаил Владимирович, должны непременно к ней поехать.

Ничего ему не говоря, я взял его за пульс и спросил:

— А где вы вчера обедали? (Перед этим мне его чиновник особых поручений Граве, бывший при П. А. Столыпине, рассказывал, что Протопопов ездил накануне обедать в Царское Село, повидимому, к Вырубовой, а вечер провел у Штюрмера).

Протопопов смутился:

— Да, нет, вы скажите, где вы вчера обедали?— продолжал я его допрашивать.

— А кто вам сказал?

— Это уже мое дело: моя тайная полиция лучше вашей... Так где же вы вчера обедали, дорогой мой?

— Вы уже наверное знаете, — отвечал Протопопов.

— А вечер вы провели у Штюрмера?

— И это вы знаете?

— Вы видите, я все знаю... Скажите, зачем вы все это делаете? Зачем вы себя компрометируете: ведь этого скрыть нельзя. Вы предлагаете мне ехать говорить с императрицей, я к ней ни за что не поеду. Вы хотите, чтобы и про меня говорили, что я ищу ее покровительства, а может быть и покровительства Вырубовой и Распутина. Я таким путем итти не могу.

Вообще Протопопов вел себя очень странно и на многих производил впечатление ненормального человека. Он явился в Думу на заседание бюджетной комиссии в жандармской форме. Дума приняла его очень холодно, а его продовольственный проект встретил общее осуждение. Так же высказались земский и городской союзы. Протопопов добивался поговорить со своими бывшими товарищами по Думе и просил меня в этом помочь. Он, очевидно, надеялся, что свидание ему будет устроено только с представителями земцев-октябристов, но я нарочно созвал к себе лидеров всех фракций прогрессивного блока. Протопопов в этот вечер вел себя странно: он все поднимал глаза кверху и с каким-то неестествен-

ным восторгом говорил: «Я чувствую, что я спасу Россию, я чувствую, что только я ее могу спасти». Шингарев, врач по профессии, говорил, что по его мнению у Протопопова просто прогрессивный паралич. Протопопов просидел у меня до трех часов ночи, как будто не мог решиться уйти и под конец я его почти насильно отправил спать.

За несколько дней до начала занятий Думы, в Варшаве, немецким генерал-губернатором был опубликован акт, в котором говорилось, что германский и австрийский императоры пришли к соглашению создать из польских областей, отвоеванных от России, самостоятельное государство под наследственным монархическим управлением с конституционным устройством. Это был новый ловкий ход Вильгельма. Поляки нейтральных стран вынесли после этого резолюции, в которых протестовали против нарушения международного права, против решения судьбы целых областей до окончания войны и заключения мира. Они видели в этом ловкий шаг немцев для набора армии из поляков. Точно так же думали и русские поляки. На первом же заседании Думы от имени польского коло *) было прочитано заявление с протестом против немецкого акта, подтверждающего раздел Польши, и с выражением надежды на победу союзников, на об'единение всех польских земель и восстановление свободной Польши.

---

*) Группа польских депутатов.

К сожалению наше правительство, которое после отставки Сазонова показывало полное равнодушие к польскому вопросу и даже, как бы намеренно, давало почувствовать, что исполнение манифеста великого князя Николая Николаевича не обязательно для России,—и тут не поняло как ему поступить. В ответ на заявление Гарусевича от польского коло правительством ничего не было сказано, а в Госуд. Совете Протопопов уже после закрытия заседания вдруг, как бы вспомнив, что ему надо что то сказать, попросил слова. Всех вернули снова в зал и, выйдя на трибуну, Протопопов коротко заявил, что правительство по польскому вопросу продолжает стоять на точке зрения манифеста в. к. Николая Николаевича и декларации Горемыкина, произнесенной в свое время в Думе. Подобное заявление, конечно, никого не могло удовлетворить и не могло быть противовесом акту Вильгельма.

На открытие Думы явились министры во главе со Штюрмером, прослушали речь председателя, затем Штюрмер встал и под крики левых: «Вон, долой изменника Штюрмера!», вышел из зала, за ним вышли и остальные министры. Они все якобы торопились на заседание Госуд. Совета, которое на этот раз было назначено не в восемь часов вечера, как обычно, а в два часа дня. Председатель Госуд. Совета Куломзин был болен, а заменявший его Голубев по просьбе Штюрмера назначил раннее заседание, так как у Штюрмера и у Протопопова не было никакой декларации и они не хотели выслушивать

неприятных для них речей. Накануне заседания я простудился, чувствовал себя неважно, с трудом закончил свою речь и тотчас же передал председательское место Варун-Секрету. Этот маловажный факт был однако чреват последствиями. Милюков во время своей речи прочел выдержку из немецкой газеты; Варун-Секрет, очевидно, не расслышав хорошо, что читал Милюков, и, упустив из вида, что наказом запрещается употреблять с трибуны иностранные выражения, не остановил Милюкова. Между тем в цитате Милюкова очень недвусмысленно намекалось, что в назначении Штюрмера принимала участие императрица Александра Феодоровна. Штюрмера же он почти прямо назвал изменником. Фраза его была следующей: «Это—победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой императрицы».

В ту же ночь, в половине второго, я получил от Штюрмера следующее письмо:

«Милостивый государь, Михаил Владимирович. До сведения моего дошло, что в сегодняшнем заседании Госуд. Думы Милюков в своей речи позволил себе прочитать выдержку из газеты, издающейся в одной из воюющих с нами стран, в которой упоминалось августейшее имя ее императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны в недопустимом сопоставлении с именами некоторых других лиц, при чем со стороны председательствовавшего не было принято никаких мер воздействия.

Придавая совершенно выдающееся значение этому обстоятельству, небывалому в летописях Госуд. Думы, и не сомневаясь в том, что вами будут приняты решительные меры, я был бы весьма признателен вашему превосходительству, если бы вы сочли возможным уведомить меня о поставленном решении вами».

Одновременно Штюрмер прислал и другое письмо, в котором он просил доставить ему копию стенограммы без цензуры председателя, сообщая, что «Эта речь может быть предметом судебного разбирательства».

Начальник думской канцелярии Глинка рассказывал мне, что в этот вечер на квартире Штюрмера происходило совещание министров. Штюрмер настаивал на роспуске Думы, но в результате ограничились полученными мною письмами, а министр юстиции Макаров не нашел в словах Милюкова состава преступления и отказался привлечь его к суду.

После писем Штюрмера я получил еще письмо от министра двора, графа Фредерикса. Он напоминал мне, что я ношу звание камергера, и тоже просил уведомить, какие шаги я собираюсь предпринять по поводу упоминания имени императрицы. Штюрмеру я ответил, что председатель Думы не обязан уведомлять о своих действиях председателя совета министров, и послал ему полную стенограмму речи Милюкова. Фредериксу я официально ответил то же самое, но кроме того послал ему другое письмо, как человеку, которого я ценил, и сообщил, что в стено-

граммах для печати имя государыни не было упомянуто.

Следующее заседание открылось заявлением Варун-Секрета, который об'яснил свои действия накануне незнанием немецкого языка и тем, что стенограмма речи Милюкова была доставлена ему с пропуском немецких слов. Признавая себя, однако, виновным в недостаточном внимании к словам оратора, Варун-Секрет сложил с себя звание товарища председателя Думы.

В начале января приехал с фронта генерал Крымов *) и просил дать ему возможность неофициальным образом осветить членам Думы катастрофическое положение армии и ее настроения. У меня собрались многие из депутатов, членов Госуд. Совета и членов Особого Совещания. С волнением слушали доклад боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповедь. Крымов говорил, что пока не прояснится и не очистится политический горизонт, пока правительство не примет другого курса, пока не будет другого правительства, которому бы там, в армии, поверили,—не может быть надежд на победу. Войне определенно мешают в тылу и временные успехи сводятся к нулю. Закончил Крымов приблизительно такими словами:

---

*) Известный кавалерийский генерал. Во дни корниловщины покончил с собой, будучи арестован в Зимнем дворце.
Н. Р.

«Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных царю. Времени терять нельзя».

Крымов замолк, и несколько секунд все сидели смущенные и удрученные. Первым прервал молчание Шингарев:

— Генерал прав—переворот необходим... Но кто на него решится?

Шидловский с озлоблением сказал:

— Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию.

Многие из членов Думы соглашались с Шингаревым и Шидловским: поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова: «Если придется выбирать между царем и Россией—я пойду за Россией».

Самым неумолимым и резким был Терещенко, глубоко меня взволновавший. Я его оборвал и сказал:

— Вы не учитываете, что будет после отречения царя... Я никогда не пойду на переворот... Я присягал... Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения—пусть она это делает через своих начальников, а я до послед-

ней минуты буду действовать убеждениями, но не насилием...

Много и долго еще говорили у меня в этот вечер. Чувствовалась приближающаяся гроза и жутко было за будущее: казалось, какой-то страшный рок влечет страну в неминуемую пропасть.

Приблизительно в это время довольно странное свидание произошло у меня с в. к. Марией Павловной.

Как то поздно вечером, приблизительно около часу ночи, в. к. вызвала меня по телефону:

— Михаил Владимирович, не можете ли вы сейчас приехать ко мне?

— Ваше высочество, я, право, затрудняюсь: будет ли это удобно в такой поздний час... Я, признаться, собираюсь итти спать.

— Мне очень нужно вас видеть по важному делу. Я сейчас пришлю за вами автомобиль... Я очень прошу вас приехать...

Такая настойчивость меня озадачила и я просил разрешения ответить через четверть часа. Слишком подозрительной могла показаться поездка председателя Думы к великой княгине в час ночи: это было похоже на заговор. Ровно через четверть часа опять звонок и голос Марии Павловны:

— Ну, что же, вы приедете?

— Нет, ваше высочество, я к вам приехать сегодня не могу.

— Ну, тогда приезжайте завтра к завтраку.

— Слушаю-с, благодарю вас... Завтра приеду.

На другой день на завтраке у великой княгини я застал ее вместе с ее сыновьями, как будто бы они собрались для семейного совета. Они были чрезвычайно любезны, и о «важном деле» не было произнесено ни слова. Наконец, когда все перешли в кабинет и разговор все еще шел в шутливом тоне о том, о сем, Кирилл Владимирович обратился к матери и сказал: «Что же вы не говорите?»

Великая княгиня стала говорить о создавшемся внутреннем положении, о бездарности правительства, о Протопопове и об императрице. При упоминании ее имени она стала более волноваться, находила вредным ее влияние и вмешательство во все дела, говорила, что она губит страну, что благодаря ей создается угроза царю и всей царской фамилии, что такое положение дольше терпеть невозможно, что надо изменить, устранить, уничтожить...

Желая уяснить себе более точно, что она хочет сказать, я спросил:

— То-есть, как устранить?

— Да я не знаю... Надо что-нибудь предпринять, придумать... Вы сами понимаете... Дума должна что-нибудь сделать... Надо ее уничтожить...

— Кого?

— Императрицу.

— Ваше высочество,—сказал я,—позвольте мне считать этот наш разговор как бы не бывшим, потому что, если вы обращаетесь ко мне как к председателю Думы, то я по долгу присяги должен сейчас же явиться к государю императору и доложить ему,

что великая княгиня Мария Павловна заявила мне, что надо уничтожить императрицу.

Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию. После убийства Распутина разговоры об этом стали еще более настойчивыми. Многие при этом были совершенно искренно убеждены, что я подготовляю переворот и что мне в этом помогают многие из гвардейских офицеров и английский посол Бьюкенен. Меня это приводило в негодование и, когда люди проговаривались, начинали на что-то намекать или открыто говорить о перевороте, я отвечал им всегда одно и то же:

«Я ни на какую авантюру не пойду, как по убеждению, так и в силу невозможности впутывать Думу в неизбежную смуту. Дворцовые перевороты не дело законодательных палат, а поднимать народ против царя—у меня нет ни охоты, ни возможности».

Все негодовали, все жаловались, все возмущались и в светских гостиных, и в политических собраниях, и даже при беглых встречах в магазинах, в театрах и трамваях, но дальше разговоров никто не шел. Между тем, если бы все об'единились и если бы духовенство, ученые, промышленники, представители высшего общества об'единились и заявили бы

царю просьбу или даже обратились бы с требованием прислушаться к желаниям народа—может быть и удалось бы чего-нибудь достигнуть. Вместо этого одни низкопоклонничали, другие охраняли свое положение, держались за свои места, охраняли свое благополучие, третьи молчали, ограничиваясь сплетнями и воркотней, и грозили за спиной переворотом...

Из среды царской семьи, как ни странно, к председателю Думы тоже обращались за помощью, требуя, чтобы председатель Думы шел, доказывал и убеждал.

Близкие государю тоже понимали, какая надвигается опасность, но и эти близкие, даже брат государя, были и нерешительны и тоже бессильны.

8 января ко мне на квартиру неожиданно приехал великий князь Михаил Александрович.

— Мне хотелось с вами поговорить о том, что происходит, и посоветоваться, как поступить... Мы отлично понимаем положение,—сказал вел. кн.

— Да, ваше высочество, положение настолько серьезное, что терять нельзя ни минуты и спасать Россию надо немедленно.

— Вы думаете, что будет революция?

— Пока война, народ сознает, что смута—это гибель армии, но опасность в другом. Правительство и императрица Александра Феодоровна ведут Россию к сепаратному миру и к позору, отдают нас в руки Германии. Этого нация не снесет и, если бы это подтвердилось, а довольно того, что об этом хо-

дят слухи—чтобы наступила самая ужасная революция, которая сметет престол, династию, всех вас и нас. Спасти положение и Россию еще есть время, и даже теперь царствование вашего брата может достичь еще небывалой высоты и славы в истории, но для этого надо изменить все направление правительства. Надо назначить министров, которым верит страна, которые бы не оскорбляли народные чувства. К сожалению, я должен вам сказать, что это достижимо только при условии удаления царицы. Она вредно влияет на все назначения, даже в армии. Ее и царя окружают темные, негодные и бездарные лица. Александру Феодоровну яростно ненавидят, всюду и во всех кругах требуют ее удаления. Пока она у власти—мы будем итти к гибели.

— Представьте, — сказал Михаил Александрович,—то же самое говорил моему брату Бьюкенен *). Вся семья сознает, насколько вредна Александра Феодоровна. Брата и ее окружают только изменники. Все порядочные люди ушли... Но как быть в этом случае?

— Вы, ваше высочество, как единственный брат царя, должны сказать ему всю правду, должны указать на вредное вмешательство Александры Феодоровны, которую в народе считают германофилкой для которой чужды интересы России.

— Вы считаете, что необходимо ответственн министерство?

---

*) Английский посол.

— Все просят только твердой власти, и ни в одной резолюции не упоминается об ответственном министерстве. Хотят иметь во главе министерства лицо, облеченное доверием страны. Такое лицо составит кабинет, который будет ответствен перед царем.

— Таким лицом могли бы быть только вы, Михаил Владимирович, вам все доверяют.

— Если бы явилась необходимость во мне,—я готов отдать все свои силы родине, но опять-таки при одном условии: устранения императрицы от всякого вмешательства в дела. Она должна удалиться, так как борьба с ней при несчастном безволии царя совершенно бесплодна. Я еще 23 декабря послал рапорт о приеме и до сих пор не имею ответа. Благодаря влиянию царицы и Протопопова, царь не желает моего доклада и есть основание предполагать, что Дума будет распущена и будут назначены новые выборы. У меня есть сведения, что под влиянием разрухи тыла начинаются волнения и в армии. Армия теряет спокойствие... Если вся пролитая кровь, все страдания и потери окажутся напрасными, — возмездие будет ужасным.

— Вы, Михаил Владимирович, непременно должны видеть государя и еще раз сказать ему всю правду.

— Я очень прошу вас убедить вашего державного брата принять меня непременно до Думы. Ради бога, ваше высочество, повлияйте, чтобы Дума была созвана и чтобы Александра Феодоровна с присными была удалена.

Беседа эта длилась более часу. Великий князь со всем соглашался и обещал помочь.

Не только в. к. Михаил Александрович понимал угрожающее положение, сознавали это и другие члены царской семьи. Еще раньше в. к. Николай Михайлович говорил мне: «Они, бог знает, что делают своей неумелой политикой. Они хотят все русское общество довести до исступления».

Я решил еще раз отправить рапорт царю с просьбой о приеме, 5 января я писал:

«Приемлю смелость испросить разрешения явиться к вашему императорскому величеству. В этот страшный час, который переживает родина, я считаю своим верноподданнейшим долгом, как председатель Думы, доложить вам во всей полноте об угрожающей российскому государству опасности. Усердно прошу вас, государь, повелеть мне явиться и выслушать меня».

На другой день был получен ответ, а 7 января я был припят царем.

Незадолго перед тем, 1 января, как всегда, во дворце был прием. Я знал, что увижу там Протопопова, и решил не подавать ему руки. Войдя, я просил церемониймейстеров барона Корфа и Толстого предупредить Протопопова, чтобы он ко мне не подходил. Но передали ли они ему, или Протопопов не обратил на это внимания, но я заметил, что он следит за мною глазами и повидимому хочет подойти. Чтобы избежать инцидента, я перешел на другое место и стал спиной к той группе, в которой был

Протопопов. Тем не менее Протопопов пошел напролом, приблизился вплотную и с радостным приветствием протянул руку. Я ему ответил:

— Нигде и никогда.

Смущенный Протопопов, не зная, как выйти из положения, дружески взял меня за локоть и сказал:

— Родной мой, ведь мы можем столковаться.

Он был мне противен.

— Оставьте меня, вы мне гадки,—сказал я.

Это происшествие, хотя и не во всех подробностях, появилось в газетах: писали также, что Протопопов намерен вызвать меня на дуэль, но никакого вызова не последовало.

На докладе у государя я прежде всего принес свои извинения, что позволил себе во дворце так поступить с гостем государя. На это царь сказал:

— Да, это было не хорошо—во дворце...

Я заметил, что Протопопов, вероятно, не очень оскорбился, так как не прислал вызова.

— Как, он не прислал вызова?—удивился царь.

— Нет, ваше величество... Так как Протопопов не умеет защищать своей чести, то в следующий раз я его побью палкой.

Государь засмеялся.

Я перешел к докладу:

— Из моего второго рапорта вы, ваше величество, могли усмотреть, что я считаю положение в государстве более опасным и критическим, чем когда-либо. Настроение во всей стране такое, что можно ожидать самых серьезных потрясений. Партий уже нет, и вся

Россия в один голос требует перемены правительства и назначения ответственного премьера, облеченного доверием народа. Надо при взаимном доверии с палатами и общественными учреждениями наладить работу для победы над врагом и для устройства тыла. К нашему позору, в дни войны, у нас во всем разруха. Правительства нет, системы нет, согласованности между тылом и фронтом до сих пор тоже нет. Куда ни посмотришь—злоупотребления и непорядки. Постоянная смена министров вызывает сперва растерянность, а потом равнодушие у всех служащих сверху до-низу. В народе сознают, что вы удалили из правительства всех лиц, пользовавшихся доверием Думы и общественных кругов, и заменили их недостойными и неспособными. Вспомните, ваше величество, Поливанова, Сазонова, графа Игнатьева, Самарина, Щербатова, Наумова—всех тех, кто был преданными слугами вашими и России и кто отстранен без всякой причины и вины... Вспомните таких старых государственных деятелей, как Голубев и Куломзин. Их сменили только потому, что они не закрывали рта честным голосам в Госуд. Совете. Точно умышленно все делается во вред России и на пользу ее врагов. Поневоле порождаются чудовищные слухи о существовании измены и шпионства за спиной армии. Вокруг вас, государь, не осталось ни одного надежного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, а остались только те, которые пользуются дурной славой. Ни для кого не секрет, что императрица помимо вас отдает распоряжения

по управлению государством, министры ездят к ней с докладом и что по ее желанию неугодные быстро летят со своих мест и заменяются людьми, совершенно неподготовленными. В стране растет негодование на императрицу и ненависть к ней... Ее считают сторонницей Германии, которую она охраняет. Об этом говорят даже среди простого народа...

— Дайте факты,—сказал государь,—нет фактов, подтверждающих ваши слова.

— Фактов нет, но все направление политики, которой так или иначе руководит ее величество, ведет к тому, что в народных умах складывается такое убеждение. Для спасения вашей семьи вам надо, ваше величество, найти способ отстранить императрицу от влияния на политические дела. Сердце русских людей терзается от предчувствия грозных событий, народ отворачивается от своего царя, потому что, после стольких жертв и страданий, после всей пролитой крови народ видит, что ему готовятся новые испытания.

Переходя к вопросам фронта, я напомнил, что еще в пятнадцатом году умолял государя не брать на себя командование армией и что сейчас после новых неудач на румынском фронте всю ответственность возлагают на государя.

— Не заставляйте, ваше величество,—сказал я, —чтобы народ выбирал между вами и благом родины. До сих пор понятие царь и родина—были неразрывны, а в последнее время их начинают разделять...,

Государь сжал обеими руками голову, потом сказал:

— Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался...

Минута была очень трудная. Преодолев себя, я ответил:

— Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути.

В конце января в Петроград приехали делегаты союзных держав для согласования действий на фронтах в предстоявшей весенней кампании.

На заседании конференции с союзниками обнаружилось полнейшее невежество нашего военного министра Беляева. По многим вопросам и Беляев, и другие наши министры оказывались в чрезвычайно неловком положении перед союзниками: они не сговорились между собой и не были в курсе дел даже по своим ведомствам. В особенности это сказалось при обсуждении вопроса о заказах за границей. Лорд Мильнер долго молча вслушивался в речи наших министров и затем спросил: «Сколько же вы делаете заказов?» Ему сообщили. «А сколько вы требуете тоннажа для их перевозки?» И получив ответ снова, он заметил: «Я вам должен сказать, что вы просите тоннажа на пять раз меньше, чем нужно для перевозки ваших заказов».

Союзные делегаты выражали сожаление, что в виду отдаленности России и оторванности ее от общего командования на западе, они имеют о нас мало сведений. На это министр Покровский предложил

создать новую должность комиссара, который был бы на западе представителем России и по своему положению стоял бы выше наших послов. Присутствовавший на конференции Сазонов, только что назначенный послом в Лондон, возмутился и между Покровским и Сазоновым начались пререкания. Иностранцам было ясно, что у нас нет ни согласованности, ни системы, ни понимания серьезности переживаемого момента. Это их очень возмущало. Хладнокровный лорд Мильнер, еле сдерживавший свои чувства, откидывался на спинку стула и громко вздыхал. Каждый раз при этом стул трещал и ему подавали другой.

Французы тоже очень нервничали, и видно было, что они недовольны нами. Еще в январе 1916 года, во время своего пребывания в Петрограде, члены делегации Думерг и Кастельно ездили в Царское Село и к своему изумлению увидели там тяжелые орудия, присланные для нашего фронта из Франции.

Мне сообщили, что петроградскую полицию обучают стрельбе из пулеметов. Масса пулеметов в Петрограде и в других городах вместо отправки на фронт была передана в руки полиции.

Одновременно появилось весьма странное распоряжение о выделении петроградского военного округа из состава северного фронта и о передаче его из действующей армии в непосредственное ведение правительства с подчинением командующему округом. Уверяли, что это делается не спроста. Упорно говорили о том, что императрица всеми способами же-

ласт добиться заключения сепаратного мира и что Протопопов, являющийся ее помощником в этом деле, замышляет спровоцировать беспорядки в столицах на почве недостатка продовольствия, чтобы затем эти беспорядки подавить и иметь основание для переговоров о сепаратном мире. Слухи эти были настолько упорны, что вызвали смущение не только среди членов Думы, но и среди представителей союзных держав. Члены Особого Совещания по обороне решили на первом же заседании поднять вопрос о французской артиллерии и пулеметах. Они запросили военного министра Беляева, по какому праву он без санкции Особого Совещания передал такое огромное количество оружия, которое нужно на фронте,—в ведение министерства внутренних дел. Беляев обещал дать ответ на том же заседании, но не дал, а когда вопрос был снова поднят, министр старался прекратить прения. Члены Госуд. Совета Стишинский, Гурко и Карпов горячо меня поддерживали, когда я протестовал, доказывал, что военный министр обязан дать ответ Совещанию и не может ему зажимать рот. Не добившись ничего, члены решили прибегнуть к крайней мере и просить государя председательствовать на следующем заседании Члены Совещания единогласно вынесли такое решение, напомнив, что государь сам обещал председательствовать в особо важных случаях. Беляев, однако, стоял на своем и отказался передать постановление Совещания царю, говоря, что это несвоевременно и что государя не следует тревожить такими не

первостепенными вопросами. Тогда члены Совещания изложили свою просьбу, и я отправил их записку вместе со своим очередным докладом. Никакого ответа не последовало.

10 февраля мне была дана высочайшая аудиенция. Я ехал с тяжелым чувством. Уклончивость Беляева, затягивавшего ответы на важные вопросы, поставленные Особым Совещанием, нежелание царя председательствовать—все это не предвещало ничего хорошего.

Необычайная холодность, с которой я был принят, показала, что я не мог даже, как обыкновенно, в свободном разговоре излагать свои доводы, а стал читать написанный доклад. Отношение государя было не только равнодушное, но даже резкое. Во время чтения доклада, который касался плохого продовольствия армии и городов, передачи пулеметов полиции и общего политического положения, государь был рассеян и наконец прервал меня:

— Нельзя ли поторопиться,—заметил он резко,—меня ждет великий князь Михаил Александрович пить чай.

Когда я заговорил об ужасном положении наших военнопленных и о докладе сестер милосердия, ездивших в Германию и Австрию, государь сказал:

— Это меня вовсе не касается. Для этого имеется комитет под председательством императрицы Александры Феодоровны.

По поводу передачи пулеметов царь равнодушно заметил:

— Странно, я об этом ничего не слыхал...
А когда я заговорил о Протопопове, он раздраженно спросил:
— Ведь Протопопов был вашим товарищем председателя в Думе... Почему же теперь он вам не нравится?
Я ответил, что с тех пор, как Протопопов стал министром, он положительно сошел с ума.
Во время разговора о Протопопове и о внутренней политике вообще, я вспомнил бывшего министра Маклакова.
— Я очень сожалею об уходе Маклакова,—сказал царь,—он во всяком случае не был сумасшедшим.
— Ему не с чего было сходить, ваше величество,—не мог удержаться я от ответа.
При упоминании об угрожающем настроении в стране и возможности революции царь прервал:
— Мои сведения совершенно противоположны, а что касается настроения Думы, то если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как прошлый раз, то она будет распущена.
Приходилось кончать доклад:
— Я считаю своим долгом, государь, высказать вам мое личное предчувствие и убеждение, что этот доклад мой у вас последний.
— Почему?—спросил царь.
— Потому что Дума будет распущена, а направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго... Еще есть время и возмож-

ность все повернуть и дать ответственное перед палатами правительство. Но этого, повидимому, не будет. Вы, ваше величество, со мной, не согласны и все остается по старому. Результатом этого по-моему будет революция и такая анархия, которую никто не удержит.

Государь ничего не ответил и очень сухо простился.

---

14 февраля Дума должна была возобновить свои занятия. За несколько дней до этого мне сообщили, что на первое заседание явятся петроградские рабочие с какими-то требованиями. Одновременно я узнал, что какой-то господин, выдававший себя за Милюкова, ходит по заводам и возбуждает рабочих к беспорядкам. Милюков написал письмо в газеты, разоблачая самозванца и предостерегая рабочих от провокации. Письмо это было запрещено военной цензурой и только после моих настойчивых требований командующий петроградским округом генерал Хабалов наконец понял, что надо разрешить письмо Милюкова, и одновременно сам опубликовал воззвание к рабочим, призывая их к спокойствию и угрожая в случае беспорядков действовать силою.

Перед самым открытием Думы были арестованы члены рабочей группы, входящей в состав военно-промышленного комитета. Это были умеренные по своим взглядам люди, и казалось непонятным, что побудило правительство к их аресту. Арестованы были не все: двое остались на свободе. Они обратились с воззванием к рабочим, призывая их несмотря

ни на что, сохранять спокойствие. Это обращение, так же как и письмо Милюкова, не было разрешено к печати.

Открытие Думы обошлось совершенно спокойно. Никаких рабочих не было и только вокруг по дворам было расставлено бесконечное множество полиции. Чтобы не подливать еще больше масла в огонь и не усиливать и без того напряженное настроение, я ограничился в своей речи только упоминанием об армии и ее безропотном исполнении долга. Вместо общеполитических прений заседание оказалось посвященным продовольственному вопросу, так как министр земледелия Риттих пожелал говорить и произнес очень длинную речь. Центр поддерживал Риттиха, кадеты резко на него нападали. Из речи Риттиха было ясно, что в короткий срок ему немногое удалось сделать и что с продовольствием у нас полный хаос. Городам из-за неорганизованности подвоза грозит голод, в Сибири залежи мяса, масла и хлеба; разверстка между губерниями сделана неправильно, таким образом, что хлебные губернии поставляли недостаточно, а губернии, которым самим не хватало хлеба,—были обложены чрезмерно. Крестьяне, напуганные разными разверстками, переписками и слухами о реквизициях, стали тщательно прятать хлеб, закапывали его или спешили продать скупщикам.

Настроение в Думе было вялое, даже Пуришкевич и тот произнес тусклую речь. Чувствовалось бессилие Думы, утомленность в бесполезной борьбе и какая-то обреченность на роль чуть ли не пас-

сивного зрителя. И, все-таки, Дума оставалась на своей прежней позиции и не шла на открытый разрыв с правительством. У нее было одно оружие—слово, и Милюков это подчеркнул, сказав, что Дума: «будет действовать словом и только словом».

Дума уже заседала около недели.

Стороной я узнал, что государь созывал некоторых министров во главе с Голицыным и пожелал обсудить вопрос об ответственном министерстве. Совещание это закончилось решением государя явиться на следующий день в Думу и об'явить о своей воле—о даровании ответственного министерства. Князь Голицын был очень доволен и радостный вернулся домой. Вечером его вновь потребовали во дворец и царь сообщил ему, что он уезжает в Ставку.

— Как же, ваше величество,—изумился Голицын,—ответственное министерство?.. Ведь вы хотели завтра быть в Думе.

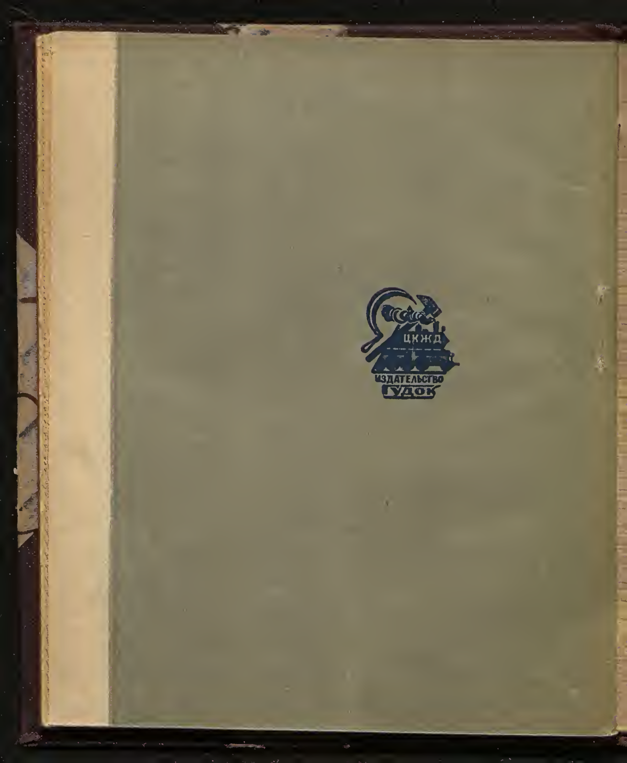
— Да... Но я изменил свое решение... Я сегодня же вечером еду в Ставку.

Голицын об'яснил себе такой неожиданный от'езд в Ставку желанием государя избежать новых докладов, совещаний и разговоров.

Царь уехал.

Дума продолжала обсуждать продовольственный вопрос. Внешне все казалось спокойным... Но вдруг, что-то оборвалось и государственная машина сошла с рельс.

Совершилось то, о чем предупреждали, грозное и гибельное, чему во дворце не хотели верить.

ЦКЖД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГУДОК

